

Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль»

История и культура Ростовской земли

2016

Ростов
2017

Нотариальное искусство в итальянских городах и документы из собрания Ростовского музея

Н.А. Селунская

С начала развития письменности как любая социальная группа, так и интеллектуальная субкультура стремилась оставить свой след в письменных свидетельствах, развивать и поддерживать свою общность и единство с помощью определенной стилистики письменной культуры – языка общения своего времени (а для нас, историков – языка создания исторических источников). Особенно наглядно это заметно при рассмотрении истории средневековой коммуны Италии и такой социальной и интеллектуальной общности, как нотариии средневековья и раннего Нового времени, доиндустриальной эпохи. Проблемой исследования нотариальной практики является и искусство нотариии само по себе, и сфера применения ремесла нотариия, и социальный контекст деятельности итальянского писца, и его культурные ориентиры, как составляющие коммуникаций внутри самой нотариальной среды, между представителями сообщества, которых также могли связывать родственные и дружеские узы.

Нотарий итальянского Средневековья и периода Ренессанса являлся лицом особого статуса, обладавшим общественным доверием и правом удостоверять, что документ имел подлинную силу и публичную форму. Отметим, что «искусство нотариии» сформировалось окончательно как особая профессиональная дисциплина и стало освещаться специальными трактатами, по крайней мере, с начала XII в., а в некоторых областях Италии и раньше. Значение нотарииев как корпорации с веками только возрастало, ремесло становилось наследственной привилегией, а нотариальные архивы часто не покидали владельцев – представителей одного семейства – от средневековья до XVIII в. Изучение истории и принципов создания средневекового нотариата – составляет давнюю историографическую традицию¹.

В Ростовском музее хранятся документы, нотариальные акты, которые составлены нотарииями Севера Италии, итальянских коммун Кремоны и Верчелли с начала XV в по первую треть XVI в. Этот типовой и ценный именно своей массовостью источниковый материал на территории нашей

---

¹ Обзоры развития историографии основных проблем зарождения и развития нотариата удачно выполнены в работах: *Amelotti M., Costamagna G. Alle origini del notariato italiano. Roma, 1974; Atti notarili e storiografia // Memorial per Gina Fasoli. Bibliografia ed alcuni inediti, a cura di F. Bocchi, Bologna, 1993, pp. 93–101.*

страны исключительно редко встречается в собраниях, наличие таких источников в Санкт-Петербурге объясняется целенаправленными усилиями собирателей-коллекционеров дореволюционной России. Собственно, в Ростове наличествуют четыре документа итальянского происхождения XV–XVII вв. под инвентарными номерами Р-1530, Р-1531, Р-1532, Р-1533. Однако самый поздний источник, – это привилегия, выданная от имени кардинала Палуцци Альтьери покровительствуемой им Конгрегации св. Троицы, – резко отличается от трех нотариальных актов, регулирующих хозяйственные вопросы. Именно об этом более позднем свидетельстве (Р-1533) известно, что данная ценность была получена музеем в дар от Амфилохия, епископа Угличского, 1 марта 1889 г. Про остальные документы даже такой ясности нет, лишь в одном случае имеется собственноручная запись основателя и хранителя музея Ростова А. А. Титова на обороте документа Р-1532 о том, что это дар, который сделал иезуит П. Пирлинг, в октябре 1909 г. Оказавшиеся в музее документы, вероятно, поступали как бы из вторых рук, не непосредственно из итальянских локальных архивов, а из собраний эрудитов. Кроме того возможен, хотя и никак не доказан, также вариант ввоза архива документов потомственным нотарием, который мог очутиться в России в связи с активным присутствием временных мигрантов – работников итальянцев именно с Севера в новых индустриальных производствах (такому присутствию мигрантов-итальянцев в Российской империи посвящается начинающийся академический проект).

Так или иначе, но о времени и путях поступления в музей двух оставшихся итальянских документов ничего точно не известно, возможно лишь строить предположения, о том, как это могло происходить и произошло в период от основания музея в 1883 г. и вплоть до революции 1917 г.

Этот вопрос, в любом случае, не кажется определяющим, данные источники чужеродны для истории ростовской земли, но, коль скоро теперь это часть собрания Ростовского музея, закономерно, что должна быть пояснена природа данных исторических свидетельств и их особенностей, а также роль института нотариата, создавшего эти документы. Важны, думается, для историка любой специализации и способы изучения вопроса нотариальной культуры в истории науки.

К настоящему моменту имеется в настоящей серии Записок удачная и компактная публикация моего коллеги по Институту Всеобщей истории В. Н. Малова, специально посвященная этим иноземным документам из Ростовского собрания, как и его же заметка, подготовленная для ассоциации медиевистов². Статья кратка, но весьма интересна, информативна и корректна, (за исключением не совсем адекватного названия). В статье указаны основные пункты содержания источников и время их создания. Далее от-

---

² Малов В. Н. Западноевропейские рукописи в провинции: грамоты Ростовского музея // Бюллетень Всероссийской ассоциации медиевистов и историков раннего нового времени. М., 1997. № 8. С. 36–37; 2) Латинские грамоты Ростовского музея // Сообщения Ростовского музея. Ростов, 1998. Вып. 9. С. 166–169.

метим, что, кроме происхождения, невозможно указать объединяющие все 4 иноземных документа сюжета. Три из них принадлежат по любой научной классификации одной категории, в то время как четвертый — наиболее поздний и красочно оформленный (привилегия) — резко выделяется.

Таким образом, по моему мнению, следует обозначить группу из трех более ранних итальянских источников — нотариальных акты, а также сделать акцент на проблеме нотариального оформления документов роли и развитии *ars notariae* в целом, поскольку эта тема не оказалась раскрытой ни в короткой статье моего коллеги, ни в целом в отечественной историографии.

Итак, *ars notarii* (искусство нотариии) можно назвать важным связующим звеном для продолжения правовой традиции Рима, но некоторая часть исследователей видит в развитии нотариата вариант качественно нового этапа формирования института средневековой городской общины, правосознания и техники права, соответствующих времени развития независимой коммуны. Нотарий (часто и писец, и судья, и правoved) осуществлял правовую регламентацию и оформление самых разнообразных социально-экономических отношений в общине и от имени общины — не только как частное лицо, специалист «по требованию», а как персона, постоянно облеченная общественным доверием³. Инвеститура нотариия была имперской или папской, а затем стала инвеститурой коммуны, когда городские центры усвоили себе публичные функции.

В Италии XII—XIV вв. для придания документу официальной силы достаточно было подписи и знака нотариия. Этот знак в виде затейливого рисунка вырабатывал каждый получающий звание нотариия и им свидетельствовал подлинность документа. Утверждение нотариия в качестве официального лица, облеченного общественным доверием с правом придавать документу, что выражается в документах терминами «*publica forma*» и «*fides publica*» происходит постепенно. В XI—XII вв. идет изменение правовой практики, взаимосвязанное с совершенствованием правовой мысли. Правовой менталитет основной массы (членов общин), прибегавших к услугам нотарииев, менялся, видимо, еще медленнее. Именно уступкой вкусам и привычкам, которые имели потребители услуг нотариия, объясняется своеобразный плеоназм оформления нотариальных документов. Вплоть до периода раннего Треченто встречаются дублирующие друг друга практики: многочисленные свидетели гарантируют и удостоверяют своей доброй репутацией истинность фиксируемых соглашений, а параллельно, нотариий проводит то же удостоверение подлинности в силу возложенного на него общественного доверия и «публикует» свидетельство подлинности в соответствии с новым формуляром.

Эти документы, и многочисленные и разнообразные, нельзя использовать как источник без внимания к своеобразию данного формуляра, игнорируя самодостаточность и самоценность формул и правовых особенностей как

³ Кононенко А. И. К истории итальянского нотариата XI—XIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1974. Т. 6. С. 313, 319, 328.

таковых. Очевидно, что историкам не избежать анализа некоторых вопросов, находившихся долгое время лишь в области исследования истории права и правовых институтов.

О нотариальной культуре в узком смысле: нотариальных актах, искусстве нотариии и создании архивов в историографии вопроса развития нотариата в итальянской и европейской научной литературе дается больше сведений, чем об истории нотарииев как сообщества носителей особых функций: хранителей коллективной и индивидуальной памяти, посредников не только между индивидуумами, но и социальными слоями.

Изучение средневекового нотариата всегда было специализированным, обособленным направлением, хотя бы в силу недоступности в прямом и переносном смысле архивных источников для тех, кто не принадлежал к особой академической корпорации. Для большинства стран Запада этими посвященными являлись, прежде всего, историки права, или лишь в меньшей мере – историки социального мира средневековья. Существующие разночтения и разногласия среди специалистов на Западе можно объяснить именно этим делением ученых на два лагеря, использующих несходный терминологический аппарат и инструментарий.

Основными источниками изучения нотариата и роли писцовой культуры в средневековой Италии служат сами их произведения: нотариальные акты, а также статуты, составленные теми же нотариатами. Большую часть записей, сделанных рукой нотарииев составляли своды правил местного самоуправления, сеньориальных привилегий и уступок и т.п. и составленные по распоряжению частных лиц фиксации продаж и договоров. Нотариии не только составляли, но и хранили записи, регистрировавшие сделки всякого рода, продажи и приобретение движимого и недвижимого имущества, права собственности и владения и их передачу другому лицу, правила осуществления торговли и хозяйственной деятельности, за несоблюдение которых грозил штраф, нотариально свидетельствовался и сам факт взимания штрафов (с обоснованием), расписки-квитанции, договорные обязательства, рукой нотариата должны были подтверждаться отношения найма, прижизненные дарения или завещания, жалобы и апелляции, обвинения и показания. Для раскрытия традиции *ius prorgium* и локальных особенностей правовой и письменной культуры в средневековой Италии была создана уникальная ситуация, которая требует исторической интерпретации. Важным стимулом развития «местного» права в Италии стало то, что претенденты на универсальное правовое влияние – Церковь и Империя – растратили свои силы в затянувшемся противоборстве, обеспечить исполнение неких общих норм права было бы просто невозможно. Ни Империя, ни Церковь не стремились обеспечить правовую основу, необходимую для динамично развивавшихся итальянских земель. С другой стороны, ни одному из итальянских центров также не удалось сыграть консолидирующую роль в масштабах Италии или хотя бы для значительной части полуострова.

У городских коммун и даже небольших общин средневековой Италии

судебная практика, вся правовая система основывались, прежде всего, на локальных традициях и нормах. Средневековый нотариат и Средневековый город Средиземноморья — это историко-культурно взаимосвязанные исследовательские темы для медиевиста-урбаниста. Именно в городских центрах создавались собственные статуты корпораций и коллегий нотариусов, а городские статуты в отдельных пунктах могли отражать особую регламентацию необходимой для коммуны деятельности нотариуса. При этом именно нотариус должен был осуществлять роль проводника и защитника традиции местного права.

В средневековой Италии нотариус — не просто писец, но лицо, наделенное общественным доверием, — тех социумов, для которых они работали. Основой социальной и политической жизни итальянских земель периода раздробленности, который продолжался до XIX в. следует считать общину или коммуну. Городской центр и администрация коммуны контролировали жизнь ближней округи — контадо и дальней округи дистретто, которые относились к системе юрисдикции городской коммуны. При этом землевладение горожан играло огромную роль.

Имеющиеся в ростовском собрании документы характерны и типичны, поскольку описывают именно поземельные отношения и сделки, совершаемые на территории той или иной коммуны. Формы земельных держаний крайне разнообразны и замысловаты, как и манеры составления нотариальных свидетельств, касавшихся этих отношений.

Первый случай, зафиксированный документом начала XV в. (Р-1530. 24 июля 1412 г., Верчелли), упоминает эмфитевзис (вещное наследуемое отчуждаемое право владения и пользования чужой землей за арендную плату, но право более гибкое, чем то, что дают другие формы аренды). Здесь, думается, интересен не как таковой пример эмфитевзиса (эти формы держаний известны в разных регионах Италии и в более ранние времена и более поздние), а пример отношений неравных по статусу контрагентов, вовлеченных в данные поземельные отношения. Второй пример касается земельного участка на правах аллода и в этом примере партнеры равны по статусу и даже являются коллегами. Третий нотариальный акт касается условий приобретения либеллярного держания, отношения устанавливаются также между достаточно близкими по статусу партнерами. Однако в обоих случаях (в документах 1-й трети XVI в.) привлечены более давние свидетельства, поэтому и дела изложены достаточно сложно, а самое любопытное, что сделки фиксируются несколькими нотариусами. В последнем примере при этом нотариусы являются представителями одной семьи-династии, в акте прямо указывается родство между нотариусом Джамбаттистой из Колле-ди-Палланца и его отцом, нотариусом Маркантонио. Таким образом, отец, очевидно, передает полномочия сыну, что свидетельствует об этапе замыкания корпорации и превращения должности нотариуса в практически наследственную.

Важно обратить внимание на тот факт, что, при несомненном доминировании аспектов, связанных с историей права и правового менталитета, круг исследования вопросов нотариальной культуры не ограничен ими. Нельзя не

отметить разнообразия ситуаций, к которым восходят нотариальные записи, соответственно, историку интересно рассмотреть, какие исторические реалии вольно или невольно фиксировались, какие именно коммуникативные социальные практики они отражали. Данный материал представляет собой целый культурный слой свидетельств социальной жизни средневековья: глазами нотариуса — писца и законника в одном лице — мы видим множество событий и примет определенного времени.

Нотарии, создавали локальные «истории», дневники, историко-политические трактаты. Существует также и проблема эпистолярного наследия представителей нотариальной культуры, сопоставимого по объему с перепиской знаменитых итальянских гуманистов. Писцы и их письма — вот прекрасный исследовательский и историографический сюжет, который исследователи-историки обязаны проследить: именно таким образом мы можем приподнять завесу над миром чувств и мыслей людей, которые обычно спрятаны от нас преградой формул и клише. Мы можем это сделать, читая не формальные официальные записи, сделанные нотариусами, но произведения эпистолярного жанра, представляя себе авторов и адресатов личных писем, из круга нотариальных семейств.

Такой материал не просто имеется в доступности в опубликованном виде, но и может быть свободно использован любым лицом вне зависимости от принадлежности к академическому сообществу через Интернет-порталы итальянских медиевистов. Что же собой представляли эти послания? Письма темных людей или гуманистов? На мой взгляд, весьма интересный материал был собран под рубрикой «Религиозные писатели эпохи Треченто» и издан Джорджио Петрокки в 1974 г., этот текст в электронной форме был недавно приобщен к коллекции портала *Reti Medievali*⁴.

В частности, обращает внимание на себя переписка нотариуса и судьи Лаппо Матеи и купца Франческо Датини из Прато. Свежий взгляд на мир жизни деловых людей прошлого, нотариусов и судебных, обретет тот, кто прочтет начало письма купца, составленного в самом конце Треченто в Тоскане. С первых же слов: «уже три часа пополуночи, а я, свободный и одинокий в своем кабинете, перечитываю Ваше письмо, дорогой Франческо»⁵ — ломаются стереотипы восприятия, представления о казенном языке и стиле жизни,

⁴ Scrittori religiosi del Trecento / a cura di G. Petrocchi. 1974 [Электронный ресурс]: URL: <http://www.rm.unina.it/didattica/strumenti/petrocchiTrecento/indice.htm> (дата обращения: 25.06.2017).

⁵ Цитирую по электронной публикации: Письмо, составленное во Флоренции, 13.11. 1395. «Francesco carissimo. In questa ora 3 di notte, libero e solo nel mio studiolo, ho riletta la vostra lettera. Benché piena di piacevolzze che spesse volte si riehggiono nelle amistadi, pure il fine del pensieri vostro era et è ottimo, cioè del luogo delle Sacca, presso al vostro abitare, ecc. E prima ch'io ne dica mio parere, vi farò questo preambulo nell'amore di Cristo... che troverete tosto darà gran sole e gran lume al mondo e alla fede ch'era come spenta, e forse molto maggiore che non fè la povertà e la ubbidienza e le stimate di san Francesco. Il qual proemio o preambulo è questo: ch'io tengo che catuno vivente abbia alcuno singular dono e speciale grazia da Dio in questo mondo...» — цит. по электронной публикации: [Электронный ресурс]: URL: <http://www.rm.unina.it/didattica/strumenti/petrocchiTrecento/testi/doc11.htm> (дата обращения: 25.06.2017).

которые ассоциируются, по крайней мере, в русской культуре, с традицией законников и миром писарей. Скорее читателю переписки нотариия и купца итальянского средневековья представляется некая богемная атмосфера, в которой живет человек, жгущий свечи бессонной глухой ночью, забывающий обо всем, и даже о времени, ради интеллектуального удовольствия и дружеских чувств. Когда вчитываешься в текст письма, в котором упоминаются стигматы св. Франциска и передаются весьма эмоциональные благочестивые размышления, создается противоречивый образ нотариия-горожанина, весьма преуспевающего в мирских делах, но ставившего превыше всего религиозные переживания и созерцательную жизнь.

Эти, казалось бы, далекие от конкретики единичных изучаемых документов отступления, тем не менее, на мой взгляд, важны для понимания всей глубины и своеобразия того пласта культуры, который присутствует в источниках из ростовского собрания.

В связи с замечаниями по поводу нотариального формуляра и логики нотариальной записи, необходимо обратить внимание на вступительные и заключительные части документов, которые как ни странно очень информативны. Эти детали, на мой взгляд, достойны стать самостоятельным сюжетом исследования. Открывается нотариальная запись (акта, статута, определенного дела, и т.п.) всегда прологом с благочестивым воззванием *invocatio*, который может быть и кратким, и достаточно пространным. Этот призыв имени Бога и святых вставленный в текст письменного документа является знаковым моментом нотариальной культуры оформления и деловых отношений эпохи. Разумеется, во многих культурах важные шаги, в т.ч. дела денежного характера велись «помолясь», но запись благочестивого призыва — именно примета определенного стиля культуры, который отражает в свою очередь *habitus*. При всей риторичности культурных клише нельзя не учитывать их важности и даже действенности. Итак, прежде, чем записать детали дела о продаже, дарении, договоре о земельном держании на самых простых условиях стороны договора и нотариий-посредник совершали ритуальное молитвословие.

Иногда пролог носит чисто риторический характер, иногда здесь излагаются и конкретные данные (например, об обстоятельствах возникновения дела, решения о принятии статута и т.д., весьма ценно для историка. Так, например, в нотариальных записях хартий вольностей — *chartae libertatis* и статутов *statuta* приводится описание церемонии принесения принятия вассальных присяг или обоюдных клятв сеньоров и вассалов, некоторые ритуализированные действия, подчеркивается торжественность обстановки и даже ее публичный характер, хотя речь шла все же о частных делах. В изучаемых сделках, касающихся поземельных отношений, есть также элемент торжественного, при свидетелях заключения договора и клятвенного обязательства сторон не нарушать условия договора. В нотариальном формуляре всегда встречаются формулы «*renuntiatio*» — отказа от произвольного толкования условий сделки (с целью ее опротестовать) и формулы санкций

за нарушение договора. *Renuntiatio*, как и формула *sanctio*, присутствуют и в документах, попавших в коллекцию Ростовского музея.

Документ Р-1530, 24 июля 1412 г., Верчелли, — это нотариальный заверенный акт о подтверждении инвеституры на участок в 22 модия луга, (эмфитевзис) для члена коммуны, который сам был правоведом, юристом нотариий явно составлял особенно детально. Обычно все сделки, в которых фигурировали каритативные институты прописывались также с особой тщательностью, в силу того, что такие институции пользовались иммунитетами и налоговыми льготами, а коммуна города всегда следила, не происходило ли попыток уклонения от налогов под предлогом якобы богоугодных дел на ее территории. Но, тем не менее, церковь и богоугодные заведения были активно вовлечены в хозяйственную жизнь, что показывает и наш частный случай установления платежа — фикта — деньгами и натуральными приношениями (оливковым маслом и воском) для одного из держателей (каким становится юрист-горожанин). В дальнейшем держатель имеет право передачи участка, но свобода продажи ограничивается, в частности, нельзя передать надел другому богоугодному заведению, также церкви и монастырю участок передан быть не может (видимо, по причине, упомянутой выше: освобождение от налогов, связанное с этим). Инвеститура подтверждается от имени институции каритативного характера (оспедале св. Андрея) через посредство особых уполномоченных административных лиц: Джованни ди Дионисио де Каресана и брата Гульельмо де Граба как представителя капитула. Акт изготовлен нотариусом г. Верчелли Антонио Траффо, который, таким образом, урегулирует отношения между частным светским лицом, членом своей коммуны и можно сказать, корпоративным партнером, интересы которого представляют компетентные лица духовного звания и статуса.

В другом документе (Р-1531), составленном почти век спустя, 10 февраля 1508 г., в Кремоне, нотариальным актом урегулировались отношения между равностатусными партнерами, имевшими однако запутанные и щекотливые обстоятельства, касавшиеся совместного наследственного владения участком земли, что потребовало уступки со стороны одного из партнеров, поскольку оказалось установленным, что некогда существовавшие границы между сопредельными участками были нарушены.

Этот документ примечателен тем, что фиксирует подписи сразу нескольких нотариев г. Кремоны: Джованни де Ферариис, Симоне и Джакопо делла Фосса. Кроме того, как было установлено В. Н. Маловым⁶, имена совладельцев участка Джироламо и Маркантонио упоминаются в завещании Никколо де Аймис, отца Маркантонио (3 ноября 1500 г., Кремона)⁷. Таким образом, документ из Ростова имеет отношение к документам, оказавшимся в собрании Санкт-Петербурга.

Наконец, нотариальный акт (Р-1532) от 12 января 1529 г. примечателен

---

⁶ Малов В.Н. Указ. соч. С. 167.

⁷ Источник опубликованов: Акты Кремоны XIII—XVI веков в собрании Академии Наук СССР. М.; Л., 1961. С. 208—214.

также дублированием подписей нотариев, о чем упоминалось выше. Акт составлен нотариусом Джамбаттистой из Колле-ди-Палланца, но оказывается, что этот акт заверен также и его отцом, нотариусом Маркантонио из местной династии нотариев, которая насчитывала уже третье поколение как минимум. Каждая подпись и нотариальный знак имеет своеобразие при общих типических чертах и являлась в средневековой и ренессансной Италии достаточным условием для придания документу официальной формы и силы (ил. 1).

Историкам хорошо известны случаи присутствия при этом свидетелей, хотя, строго говоря, их удостоверения уже не требовалось, при наличии заверения нотариуса. Однако случаи множественных нотариальных заверений подлинности — редки и интересны, они, вероятно, отражают особый этап формирования нотариальной корпорации.

Информативность нотариальной записи и вопросы коммуникативного характера, роль нотариуса как посредника для заключения договора, для создания компромисса коллективных или индивидуальных интересов сторон, кажутся важнейшим вопросом интерпретации нотариальной культуры в средневековой Италии. Такая постановка вопроса представляется мне более многоплановой и важной с точки зрения историка, нежели простой анализ вопросов истории права, например, наличия или отсутствия черт рецепции римского права в нотариальной практике. С одной стороны, характер нотариальных формул не является отражением правовых концептов, усвоенных средневековым итальянским обществом в целом. С другой, стороны, широкое распространение нотариата и ретрансляция идей римского права по каналам нотариальных записей рано или поздно сказывалась и на широких слоях социума, формировала правовой менталитет эпохи. Наконец, не следует забывать и о третьей перспективе: мы должны учитывать силу обратного влияния индивидуальных и коллективных клиентов нотариусов на характер составления нотариальной записи. Все это — стороны социокультурной правовой коммуникации, в буквальном смысле, осуществлявшейся силами нотариусов.

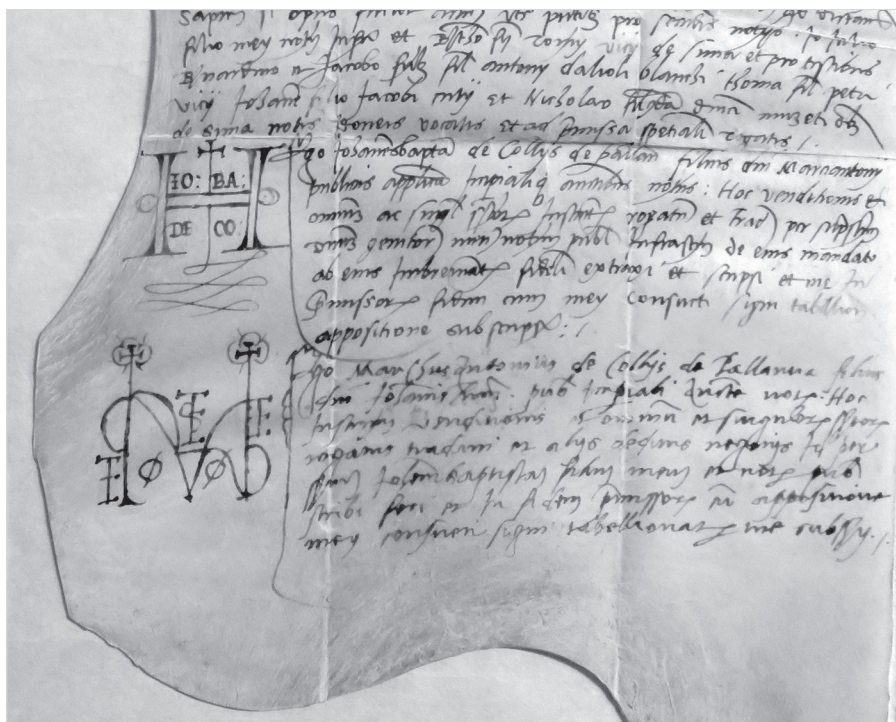
Именно нотариальная культура, становилась питательной средой, в которой могли прививаться и произрастать инновации, той нейтральной территорией, которая была открыта для любых участников, в том числе и не равных по статусу, на которой контакт неравноправных партнеров вообще мог осуществиться, пусть с большей выгодой для одной из сторон. У истоков достижения данного принципиального согласия путем поиска возможностей диалога находились проводники, посредники, ретрансляторы идей и ценностей, важных для всех участников взаимодействия. И одну из важнейших коммуникативных ролей, в средневековой Италии, на мой взгляд, осуществили представители искусства нотариии, чем и обогатили общеевропейское наследие.

Проблемы, связанные с нотариальной культурой многочисленны и их общую картину зачастую не дают составить такие причины, как разнообразие сфер применения мастерства нотариуса, и обилие стереотипов, главный из которых делает нотариусов статистами в истории развития права.

На самом деле тема истории нотариата не только обладает самостоятельной

ценной проблематикой, но и является практически неисчерпаемой. Каждый раз, когда появляется возможность поставить точку в исследованиях одного вопроса – вырисовывается другой, и не менее соблазнительный для историка ракурс изучения проблемы нотариата – как особой культуры (нотариальной), обособленной социальной группы или корпорации нотарииев с многообразием социальных функций, как среды осуществления многоуровневой коммуникации между агентами разного социального статуса.

Ввиду многообразия значимых исторических сюжетов, связанных с феноменом средневековой итальянской нотариальной культуры, насущно необходимы синтезирующие труды, позволяющие представить в разных перспективах и проекциях развитие нотариата: социокультурные, психологические, интеллектуальные характеристики и последствия этого развития.

Ил. 1. Нотариальные знаки отца и сына нотариусов из Колле-ди-Палланца.
ГМЗРК. Р-1532